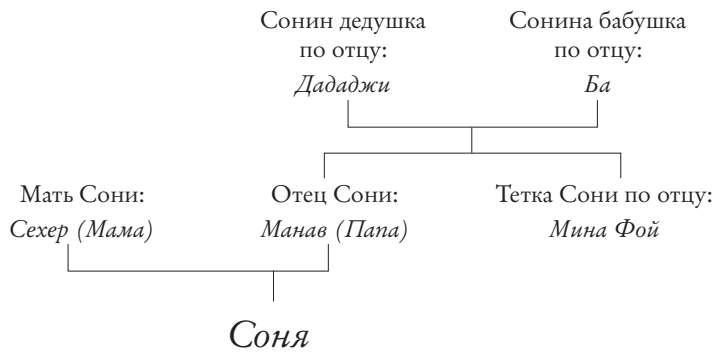

Содержание

ЧАСТЬ I	Одиноко? <i>Одиноко?!</i>	11
ЧАСТЬ II	Зима унылая, бесконечная	27
ЧАСТЬ III	Ты получил это дурацкое письмо?	81
ЧАСТЬ IV	Это все любовь	121
ЧАСТЬ V	Станный затхлый запах дома	201
ЧАСТЬ VI	Многое запало мне в сердце	265
ЧАСТЬ VII	Чужак-обманщик!	321
ЧАСТЬ VIII	Где вы любите, чтобы вас щекотали?	347
ЧАСТЬ IX	Белый пес-океан	361
ЧАСТЬ X	В темных дебрях гор	411
ЧАСТЬ XI	Зуд	431
ЧАСТЬ XII	На самом ли деле Италия?	447
ЧАСТЬ XIII	Не быть индийцу крутым	477
ЧАСТЬ XIV	Если москиты и знали, они не сказали	497
ЧАСТЬ XV	Тоже мне утешение!	519
ЧАСТЬ XVI	В свете Мексики	553
ЧАСТЬ XVII	Тот, кто тебя заполучит, настоящий счастливчик	577
ЧАСТЬ XVIII	Река любви путем неведомым течет	595
ЧАСТЬ XIX	Сказочная луна	607
ЧАСТЬ XX	Я вижу тебя, Облачный демон	625
ЧАСТЬ XXI	Кто нырнул в нее, потонет, потонув — переплывет	695
	<i>Благодарности</i>	715

Памяти моего отца посвящается

СЕМЬЯ СОНИ ШАХ

Прислуга в Аллахабаде:
Хансама, Айя, Дари

Прислуга в Дели:
повар Чандубхай,
горничная Альпа,
шофер Балбир Сингх

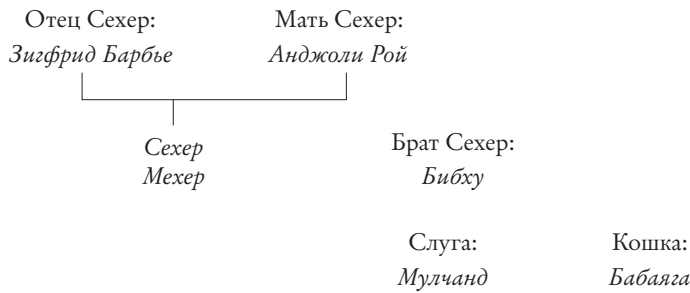
Друзья Сони:
Мари, Одри Хонг,
Армандо

Друзья Шахов:
Дилип и Хуши,
Джехангир и Марго,
Нил и Далджит,
Феруза

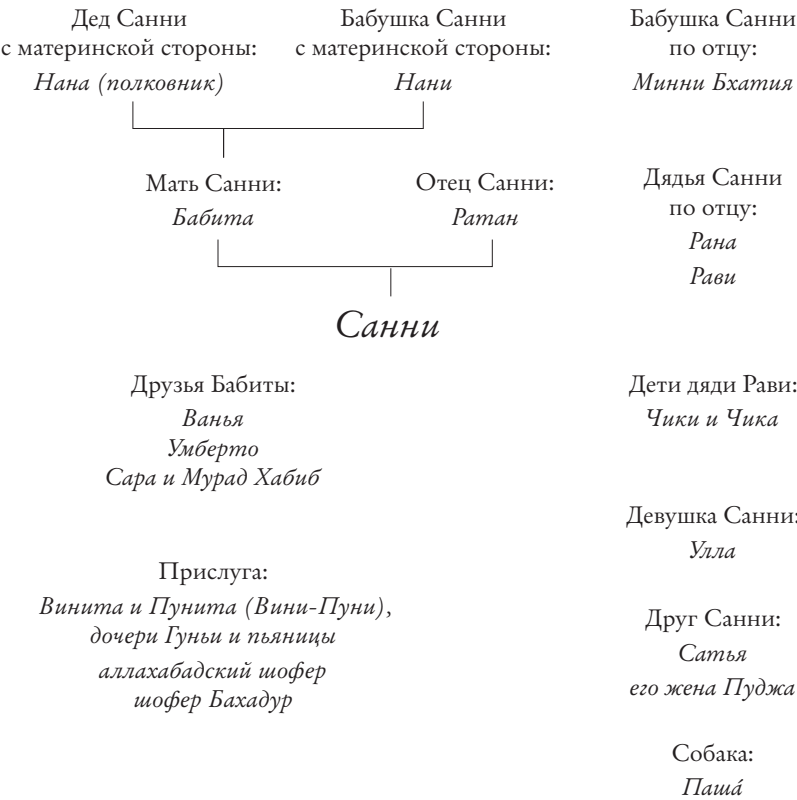
Работодательница Сони:
Леони Лала Лелуп

Любовник Сони:
Илан де Турьен-Фосс

СЕМЬЯ БАРБЬЕ

СЕМЬЯ САННИ БХАТИЯ

ЧАСТЬ I

Одиноко? *Одиноко?!*

ГЛАВА 1

Солнце еще выползло из зимней предрассветной мглы, когда Ба, Дададжи и дочка их Мина Фой, кутаясь в шали, вышли на веранду выпить чайку и определить, путем тщательного отбора, чем они сегодня будут трапезничать. Меню следовало огласить за завтраком, чтобы повар поторопился сразу на рынок. Это был день рождения Мины, первого декабря 1996 года ей исполнилось пятьдесят пять, и баранина для кебабов на праздничный ужин мариновалась на кухне с ночи.

— Рис? — выкрикнула Ба. — Роти¹? — Она начинала глохнуть, но знала, что нужно перекричать и уличный транспорт, грохочущий спозаранку мимо главных ворот, и карканье сотен ворон: их гам так тесно сопровождал ежеутренний восход солнца, что, казалось, именно вороны в муках разрождаются дневным светом. — Пилав? — предлагала она. — Парата²?

Над ними, в треугольнике входного портика, помещался гипсовый бюст дородного джентльмена в галстук, вдохновленный, надо полагать, рисунком, сделанным первоначальным владельцем этого бунгало, который попутешествовал по Европе, не расставаясь с альбомом для рисования так же,

1 Роти, чапати — индийский хлеб из пшеничной муки, вроде тонкого лаваша. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

2 Парата — слоистая лепешка, порой с начинкой.

как, по его наблюдениям, делали чужестранцы в Индии. И кто знает, что было тому виной, то ли особенности дарования художника, то ли несоответствие всей затеи окрестностям Аллахабада, то ли шлепки птичьего помета, но снизу бюст выглядел не столько благородным джентльменом, сколько нелепым снобом, вознесшим очи к небу над головой, которое вот уже четверть века не баловало ничем живописным. Вот ни разу не баловало с тех пор, как национального значения шоссе расширили для удобства грузовиков, доставлявших капусту, цемент, коз, пшеницу и — если верить газетам и сплетням — прости-тутки и венерические заболевания.

Не смущаясь ни джентльменом в галстук, ни загрязняющими округу грузовиками, ни чаевничающей на веранде семьей, воронье *кар-кар-кар* набирало крещендо.

— Цветная капуста? — напирала и Ба. — Шпинат?

— Картофель? — предложил Дададжи и, приподняв ноги с полу, потер ступни одна о другую так нежно и непринужденно, словно то были мягкие бархатные ладони. — Все му на свете гуджаратцы предпочитают картофель, — присовокупил он, будто оправдываясь перед отсутствующим антропологом. Они были переселенцами, перебравшимися из Гуджарата в Уттар-Прадеш. Много лет назад адвокатская практика Дададжи привела его в суд Аллахабада.

Два приплюснутых телефона — один в углу гостиной, другой на письменном столе Дададжи — затарахтели, как жабы на болоте, *трр-трр-трр*, и все догадались, что это младший брат Мины Фой, Манав, второй ребенок Дададжи и Ба. Дададжи поднял трубку того телефона, что стоял у него на столе, а Мина под села к тому, что в гостиной. Ба, та никогда не разговаривала по телефону, не было у нее такого в заводе, даже если б исправный слух.

— Долгой жизни тебе, Мина, — пожелал Манав сестре.

— Да и так уже зажи лась, — отозвалась Мина Фой.

Ей хотелось поделиться с братом своей надеждой на то, что супруги-миссионеры заглянут к ним, как было в прошлом году, и принесут печенье с шоколадной крошкой, привезенное

из Айовы, но ведь они могут не вспомнить, что сегодня у нее день рождения, а она не может им подсказать. Пользоваться телефоном по собственному почину ей запрещалось, ибо телефонная болтовня — попустительство и ничемная роскошь.

Дададжи обсудил с сыном растущую стоимость одной из своих инвестиций, а затем, под конец беседы, поинтересовался здоровьем невестки Сехер и внучки Сони.

— Соня нас беспокоит, — ответил Манаб. Соня училась в колледже в Вермонте. — Похоже, она впала в депрессию. Она плачет по телефону, а когда мы перезваниваем ей через день, все опять снова-здорово.

— Но почему? — спросил Дададжи. — Она там уже три года. С чего бы это ей вдруг плакать?

— Она говорит, ей одиноко.

Последний раз Соня приезжала домой два года назад.

— Одиноко? Одиноко?!

В Аллахабаде одиночества не было и быть не могло. То есть каждый, конечно, вправе был почувствовать себя сиротливо из-за того, к примеру, что его неправильно поняли, и каждому, надо думать, знакома мертвенная опустошенность аллахабадских сумерек, когда волна ушла и, кто ее знает, вернется она или нет, и это, конечно, могло сойти за разновидность покинутости; но никто из них никогда не спал в доме один, никогда не ел в одиночестве, никогда не жил там, где не было бы знакомых, никогда не просыпался без того, чтобы повар не принес ему чаю, и всегда желал доброго утра сразу нескольким людям:

— Намасте, Хансама.

— Доброе утро, мамочка.

— Доброе утро, папочка.

— Мина, доброе утро.

— Намасте, Айя!

Всякий раз, когда Дададжи вспоминал стихотворение Вордсворта, которое его заставили выучить в школе, про нарциссы: “Я брел одиноко, как туча, плывущая выше гор”, — эта строчка казалась ему до того несуразной, что он запрокидывал голову и хохотал так, что верхняя челюсть вываливалась и па-

дала с громким стуком. Однако сейчас, чувствуя в себе необычайный прилив щедрости из-за того, что стоимость его акций росла, Дададжи велел Мине Фой позвонить Соне. И поскольку у него были проблемы со зрением — отслоение сетчатки, глаукома и катаракта, — он поднес увеличительное стекло к слезящемуся, покрасневшему глазу и, склонив голову так низко, что нос его уткнулся в страницу записной книжки, зачитал вслух номер общежития Хьюиттского колледжа в Норт-Хьюитт. Мина Фой, втыкая палец в отверстия наборного диска, почти с час диск накручивала, дозваниваясь, пока палец не онемел. Наконец где-то вдалеке задребезжало, и кто-то, растягивая слова — по-ковбойски, решила она, — ответил.

К счастью, Дададжи взял трубку внутреннего телефона. Сама Мина Фой с ковбоем бы говорить не решалась. Перегруженный палец так и завис торчком в воздухе.

— Алло, алло, пожалуйста, соедините нас с Соней Шах, которая живет в комнате номер пять, — выкрикнул Дададжи и, дождавшись, когда Соня войдет в телефонную будку, спросил: — В чем дело? Почему твой отец говорит, что ты несчастна? У тебя порядок с учебой?

— Да, — жалобным голосом ответила Соня.

— Ну? И в чем же тогда проблема?

— Чем вас там кормят? — включилась Мина Фой.

— Макаронами! — ответил Сонин дед в свою трубку.

— Нет, Дададжи, — ответила ему Соня, — меню тут очень интернациональное. Ужин бывает то китайский, то мексиканский.

— А индийский? — рискнула спросить Мина Фой.

— Иногда на обед подают “томатные тигры” — это помидоры и сыр на тосте из маффина, и все посыпано порошком карри.

— Ни о чем подобном не слышал! — возмутился дед.

— А на десерт? — прошептала Мина Фой.

— Брауни с мороженым, пай с орехом пекан или черничный.

От одной мысли о такой неслыханной роскоши у Мины Фой сердце заныло.

— Пай — это очень американская еда, — подтвердил Дададжи. — Ну, и о чем же ты плачешь, счастливица?

— Меня донимают мысли, — попыталась объяснить Соня. — Я все думаю и думаю о том, что со мной будет. Думаю и не могу перестать. Я боюсь зимы. Когда холодно и темно, все становится еще хуже...

— Ты попрыгай немножко, разомнись, а потом возьми за учебники. Ты должна стойко переносить трудности. Вот не брось я ту жизнь, которая была мне на роду написана, жила бы ты сейчас в Надиате и замужем с шестнадцати лет, а не училась в Америке.

У Мины Фой сами собой стиснулись руки, лежавшие на коленях, когда она вспомнила, как в детстве гостила в родовом доме отца, где женщины побирались, подъезжая то, что осталось после мужчин. А когда у девушек шли месячные, их изгоняли — даже из этого межеумочного житья! — в хижину на задах поместья, где они ели из глиняных мисок, которые после полагалось разбить над мусорной кучей, дабы не осквернять мир.

Дададжи собственноручно спас их от этой замшелой жизни. Да, что и говорить, у него железная воля и характер, как порох, но именно эти качества обеспечили Ба каждодневное место за обеденным столом из полированного красного дерева. А когда Дададжи вышел на пенсию, он взял ее в кругосветное путешествие, в которое они отправились вместе с его младшим братом Амалем Кака и женой Амалы Кака, потому что Амаль Кака тогда еще не украл наследство предков и в то время братья были близки.

Спустя столько лет с той поездки Ба и Дададжи не смогли бы припомнить ни единой достопримечательности, ни единого памятника, ни единого музея, но не в силах были забыть зеленый шарф, потерявшийся по дороге на Мачу-Пикчу, как и устройство, которое обещало рассказать в наушники записанную на пленку историю Ватикана, если они бросят в него монетку, но когда они бросили, этого не произошло, и они пошли жаловаться, а касса оказалась заперта на обед. “Нам что, вернуться через двадцать минут?” — спросили они охранника. “Где вы видели обед за двадцать минут?!” — возмутился охран-

ник. Вот об этом они помнили, и еще о том, как страдали от несварения в Вене и целый день искали, где бы купить фрукты по разумной цене, но ничего не нашли. А в Лондоне, в отеле под названием “Букингем”, где, как можно было надеяться, люди вас не обманут, им посулили, что завтрак будет включен в стоимость проживания, но это оказалось не так. А в Париже они сэкономили кучу денег, готовя себе на ужин рис и чечевицу в электрическом чайнике: Дададжи забирался на стул и отключал пожарную сигнализацию в гостиничном номере. В целом, французская кухня их разочаровала — из-за чего весь сыр-бор? Куда ни пойдешь, везде одни и те же бутерброды трех видов и два соуса. Этими их двумя соусами французы затерроризировали весь мир.

И вообще, в большинстве стран они отмечали, что местные жители не испытывают особого почтения к индийским туристам, в то время как за белыми туристами бегают и перед ними юлят. И поэтому жить лучше всего среди своего народа, строго придерживаясь собственных высоких стандартов. Сделав большой мир маленьким, Ба и Дададжи с удовольствием вернулись домой.

— Почему одиноко? — спросил Дададжи Соню. — Нам американцы показались самыми дружелюбными. Например, когда мы ехали в Гранд-каньон, мы забыли свои бананы в автобусе, так женщина выбежала за нами и догнала, чтобы их отдать. Ей даже пришлось потом дожидаться следующего автобуса.

— Они дружелюбные, — тоненьким голоском подтвердила Соня.

— И страна красивая, — сказал Дададжи.

— Да, — согласилась Соня.

— И так много пустых пространств!

— Так и есть, — сказала Соня, и они услышали, как Соня заплакала, а затем связь оборвалась.

Они вернулись на веранду: перезванивать еще раз было бы слишком экстравагантно. Солнце теперь тускло поблескивало над дымкой, вороны затихли, и горбатая аяя, служанка, пришла подметать, волоча за собой метлу из прутьев в несколько

раз длиннее ее самой. По глаза закутав голову краем сари, которое у нее было пыльного цвета, она вымела пыль из дома на веранду, а затем по очереди на каждую из широких и невысоких ступеней, ведущих в сад, где в сезон вызревали знаменитые аллахабадские розовые гуавы, развеивая пыль поверх пыли, разрисовывая узором из пыльных гребешков все пространство до самой ограды.

К вечеру пыль прилетала обратно, забиваясь в дырочки в проволочных сетках от насекомых, осыпая филодендроны, оттеняя имя на привинченной к воротам табличке с надписью “М. Л. Шах, адвокат Верховного суда”, устилая бумаги и папки, заставляя скрипеть клавиши пишущей машинки. Когда Соня была маленькой, Мина Фой показала ей — с некоторой бравадой своим бессчастьем, — что, когда она плюет в раковину, слюна у нее бежевая, как пыль, поднятая грузовиком.

Ба и Дададжи не взяли Мину Фой в кругосветное путешествие, потому что к тому времени она уже доказала, что ей не везет, а когда кто-то урожден невезучим, не стоит насчет него и стараться. Тридцать три года назад Дададжи встретил дочь, вернувшуюся после шестимесячного замужества в родительский дом, молчанием, полным осуждения, хотя именно он устроил ей этот союз. Преподносилось все так, точно Мина Фой сама виновата в том, что ей не везет.

— У Мины вечно ничего не выходит, — заявляла Ба, отчего казалось, что Минину трагедию выстирали, сложили и упрятали в один из тех черных жестяных сундуков, что набиты сари и шерстяными вещами в приданое, переложенное шариками от моли и пережившее многие поколения.

Однако каждый год, в ознаменование дня рождения Миной Фой, шофер отмывал мылом автомобиль марки “посол Индостана”, так ласково и по-дружески, будто то была не машина, а буйвол, и подъезжал к парадному портику, чтобы мать и дочь могли осмотреть наследство Миной Фой, фамильные драгоценности, хранящиеся в ячейке Государственного банка Бароды, третьего по величине банка Индии. По дороге они высаживали Дададжи у дома полковника на Торнтон-лейн, где он еже-

недельно играл в шахматы. Дададжи, в темно-синем блейзере с красным галстуком — выходя на люди, он всегда одевался официально, — присоединялся к полковнику, также в пиджаке и при галстукке дожидавшемуся его с шахматной доской на лужайке перед домом, и напоминал женщинам, чтобы через два часа они вернулись за ним.

На свой день рождения Мина Фой нарядилась в новое сари с фиолетовыми цветами. Ее мать была в таком же, но с рисунком зелеными волнами. Обе женщины перешли с хлопка на полиэстер, который находили более прочным, эффектным и легким в уходе. На ноги Мина Фой надела свои обычные голубые гавайские сандалии. У нее были потрескавшиеся подошвы, бородавка на носу, намек на усики и поросшие мягкими волосками ноги, которые она поглаживала одна о другую под своим сари, когда бывала довольна, или еще в постели, перед рассветом, когда тепло, уютно и в руке лежит тяжелая грудь. В ранний час придерживая свою грудь и лаская ноги, она делала это затем, чтобы к началу нового дня подпитать себя нежностью и добротой.

Мина Фой и ее мать прибыли в банк и с дневного света спустились в подвал, похожий на морг, где охранник с усами штопором и с винтовкой, относящейся к прошлому оружейному веку, сторожил металлические шкафчики, в которых хранились спящие сокровища. Служащий записал время их прибытия и придержал шаткую лестницу, чтобы Мина Фой смогла взобраться к семейной ячейке в самом верхнем ряду, откуда, передавая вниз выцветшие коробки и пластиковые пакеты, заметила в волосах служащего пришипленную заколкой, подкрашенную хной накладку, и ощутила рану в его тщеславии. На коробках и пакетах значились названия давно закрывшихся заведений, имена, оставшиеся от минувшей эпохи величия: “Ювелиры Гопалдас Чандрапракаш и сыновья”, “Ювелиры Бхагатрам Джайнарайн”, “Ювелиры Хаджи Рафик”, “Ювелиры К. Г. Султании Калькутта Валла”.

Пластиковые пакеты от времени выцвели и потрескались, стянутые резинками, расплавившимися от летней жары, а по-

том затвердевшими вроде червивых наростов. И вата, в которую были обернуты драгоценности, от старости посерела, но блеск камней с возрастом только усилился. Мина Фой и ее мать восхищались сумрачными рубинами и изумрудами, шишковатыми жемчужинами со сливочно-молочным отливом, все это в веселом гуджаратском стиле смешано со стекляшками и простыми бусинами. Там были крупные, неуклюжие висячие серьги с бесценными кунданскими бриллиантами — та часть приданого Миной Фой, насчет которой Ба опасалась, что родственники мужа не отдадут их после развода. Когда же они отдали, чтобы убедительней доказать, что на них-то вины нет, Ба перевела дух — не от счастья, конечно, учитывая обстоятельства дела, а от облегчения, будто внутренности ее встали на место.

Ячейка Государственного банка, опустошенная ненадолго, снова наполнилась. Дух ее, подвергшийся нападению, снова угомонился. Но таилось, однако, на дне глубокое чувство утраты, которое Ба унаследовала от своей матери, не устававшей оплакивать драгоценный бирманский рубин с голубиное яйцо, пропавший, когда семья была вынуждена оставить свой бизнес в Рангуне и вернуться в Надиад в Гуджарате. Утрата рубина и урон богатству отца, все это привело к тому, что в самоощущении Ба что-то непоправимо сломалось.

Когда Соня в последний раз навещала бабушку с дедом в Аллахабаде — это случилось летом перед тем, как ей уехать учиться в Штаты, — Ба и Мина Фой повезли ее в банк, чтобы показать семейные драгоценности. Пересказав ей историю про потерянный бирманский рубин, Ба ожидаемо произнесла: “Самый красивый комплект из всех достанется тебе, Соня, когда выйдешь замуж”. Она постаралась скрыть боль, которую ощутила, произнося эту фразу, приняв серьезный вид, будто обсуждала болезнь, и отвернулась на тот случай, если у Сони достанет наглости ответить: “Спасибо, Ба”.

Мина Фой помогла Соне примерить жемчужный браслет с замысловатой изумрудной застежкой, вспомнив, как сама надевала его в день своей свадьбы, питая надежды — и это до сих

пор терзало ее! — от которых кружило голову. Она была так невинна, и когда невинность ее растоптали, сделалось нестерпимо стыдно. Ей вдруг пришло в голову, что она, чего доброго, навлечет на Соню свою злую удачу:

— Сними это!

И Ба, не в силах справиться со своим сердцем, которое при виде примерки застыло, стала их торопить:

— Ну же, снимите и положите аккуратно на место!

Но застежка не слушалась, и Мина Фой силой стянула браслет с Сони, оцарапав ей руку.

— В Америке не принято носить драгоценности, только всякие пустячки, — сказала Ба.

И вот, в пятьдесят пятый день рождения Мины Фой, Ба озаботилась тем, чтобы драгоценности не примеряли легкомысленно, а только восторженно осмотрели и пересчитали, чтобы убедиться, что ни единая штучечка не пропала. Она промокнула платком пот, выступивший на верхней губе.

— К счастью, наряжаться ты никогда не любила!

Имела ли Ба в виду, что, люби Мина наряжаться, ей было бы труднее пережить свой развод в двадцать два года и тот факт, что с тех пор у нее напрочь отсутствовал повод как-то себя украсить? В этом отношении ей повезло, да? Или же мать считала удачей то, что она развелась и ее свадебные украшения вернулись в семейную банковскую ячейку?

Мина Фой почувствовала небывалый приступ ненависти к Ба. Ведь сложись ее жизнь иначе, она, наверное, тоже стала бы совсем иным человеком — таким, которому нравилось бы сидеть за туалетным столиком, рассматривать свое отражение в зеркале, наносить за ушко духи, примерять серьги, ожерелья, кольца, браслеты.

— Откуда мне знать, — проворчала она, — любила я наряжаться или нет?

Ее мать не ответила на этот вопрос, потому что не знала, как вообще на него ответить, и они принялись опять заматывать жемчуга, изумруды, рубины, бриллианты и золото истрепанной ватой, обратно в потайные коробочки, обратно в хрусткие,

потрескавшиеся пластиковые пакеты. Выбросили порвавшиеся, похожие на червяков резинки и попросили у клерка новые.

— У меня нет, — сердито сказал он. — Что ж вы не взяли с собой? — Но все-таки выдвинул ящик и, сверкнув глазами, протянул им две штуки.

Мина Фой заперла сейф и вернула ему хлипкий ключ.

— Могли бы и попрочней ключи завести, — попеняла она.

Мать и дочь выбрались на вечереющий уже свет, смущенные тем, что экспедиция в банк не укрепила родственных уз, казалось бы, нерушимых, а показала, напротив, как легко их можно сломить одной мелкой жемчужинкой.

— Как ты думаешь, Бетси и Бретт придут с шоколадным печеньем, как в прошлом году? — спросила Мина Фой.

— Не знаю. Они могут не вспомнить.

— Может быть, нам стоит к ним заглянуть?

— К ним домой? Но это же далеко! — Бетси и Бретт, чтобы подчеркнуть свое высокое миссионерское предназначение, поселились в бедном районе на самой окраине. — И мы уже опаздываем за папой.

Точно в срок Ба и Мина Фой забрали Дададжи, который ждал их среди петуний полковника, пребывая в подавленном настроении, потому что партию он проиграл, и они вернулись домой, с нетерпением ожидая заката и предвкушая ужин, кульминацию их предрасветного совещания.

— Галавати — чертовски сложный кебаб, — напомнил Дададжи. — Он должен быть гладким, как шелк.

— Хансама не кладет туда ни яиц, ни ничего другого связующего, — сказала Ба, — и к тому же перевернуть кебаб — чрезвычайно деликатная задача. Но такая жирная пища позволительна только по праздникам, иначе не миновать подагры.

Надзирая, аккуратен ли повар в переворачивании кебабов, Ба все колбаски пересчитала, чтобы ни одна не пропала перед подачей на стол. Недоверчиво поднесла нос поближе к каждому блюду, принялась, все ли так, как должно быть. Проверила кладовую и холодильник, убедилась, что продуктов в каждой емкости поубавилось ровно в той мере, что тре-